

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Царский подарок

Случилось так, что у химика на атомной подлодке вышла из строя установка по выработке воздуха и подаче его в отсеки субмарины. И это произошло сразу же, как только стало известно, что подлодка планируется к выходу на боевую службу. А какая лодка может выйти в море без обеспечения экипажа воздухом? Надводный корабль от этого не пострадает, у того на поверхности моря свежего воздуха хоть отбавляй, а у подлодки... Одним словом назревал солидный скандал. ЧП, да и только. К тому же местные специалисты неделю бились над устранением неисправности, но тщетно. Тогда командующий флотилией атомоходов вызвал на ковер флагманского химика флотилии:

— Ну, флажок, ситуация у нас аховая. Свои кадры с твоей чертовой установкой ничего поделывать не могут. Кто может справиться с этой задачей?

— Есть один человек на флоте, но он далеко... , — начал было флагхим, но командующий перебил его.

— Назови кто, а достать его хоть из-под земли мое дело, — рубанул ладонью по столу контр — адмирал.

— Начальник флотской ремонтной мастерской капитан второго ранга Петр Арбузов. Мы с ним в высшем училище в одном классе учились, он еще там всех изумлял своим пристрастием к технике. Да и сейчас на флоте он в первом ряду лучших специалистов и рационализаторов.

Командующий флотилией позвонил командующему флотом и попросил откомандировать к нему известного специалиста.

... На четвертый день ремонт был закончен. Установка заработала в положенном режиме.

— Ну, Петро, ты — маг! Выручил. А меня просто спас. Проси, что хочешь, — крепко пожал руку друга флагхим.

— Комбриг обещал «Царский подарок», — улыбнулся тот.

На следующий день Арбузов должен был возвращаться в свою часть. Накануне, на холостяцкой квартире флагхима было решено отметить удачное завершение ремонта. Стол ломился от местных деликатесов, офицеры разлили по стаканам разведенный спирт.

— Мужики! — начал флагхим, — есть предложение выпить за здоровье отличного флотского специалиста и моего лучшего друга капитана второго ранга Петра Николаевича Арбузова. Я не представляю, что бы мы сейчас делали, если бы ни он. Давайте выпьем!

Стаканы звякнули, и офицеры осушили их.

— Ух! Зело-борзо! — еле выдохнул Арбузов, спеша закусить.

Командир лодки подхалимски накладывал в тарелку командира бригады лакомые кусочки, а флагманский химик — в тарелку гостя.

— На! Закусывай, — протянул он гостю солидный бутерброд с красной икрой.

— Ого! В рот не влезет, — стусевался тот.

— Кому надо, то тому все влезет, — хохотнул командир лодки и метнул в сторону комбрига многозначительный взгляд.

— Да, Петр, — начал тот, — как говорят в народе «Долг — платежом красен». Что я вам обещал накануне ремонта?

— «Царский подарок».

— Именно. Сейчас я готов его вам вручить, — с этими словами комбриг встал, подошел к закрытой двери в соседнюю комнату, вошел в нее и тут же вывел, держа за руку, молодую женщину необыкновенной красоты. Не хочу сказать, что таких красавиц в мире больше нет. Это было бы неправдой. Но, если у молодой девушки размеры 80—50—80 при росте 175, жгучей брюнетки с голубыми глазами и прической а-ля «Клеопатра», большими ресницами, ало накрашенными губами, и идущей к вам с аппетитно играющими бедрами, а ягодички при этом двигаются, как работающие поршни дизеля так, что слышно шуршание платья, то перед такой красоткой трудно устоять. Но главное, что сразило нашего гостя наповал, так это ее ноги.

На ней ничего не было, кроме коротенького, чуть ниже пояса, черного с блестками платья, туфли на высоченной шпильке, при этом создавалось впечатление, что ноги у нее растут прямо от ушей. Спереди грудь ее пряталась под платьем под самое горло, зато сзади был разрез от шеи до низа платья, что давало возможность созерцать ее розоватые ягодички, и только две поперечные застёжки-ленточки не позволяли платью полностью распахнуться и упасть.

— Аня! — представилась девушка, когда комбриг подвел ее к ошарашенному, онемевшему, и вконец растерявшемуся офицеру.

— Арбузов, — еле выдавил из себя «Петр», принимая ее руку из руки комбрига.

— Арбузик? Это замечательно! А можно вас съесть? — улыбнулась девушка, обозначив ямочки на обеих щеках, и села на диван рядом с гостем.

— Рад, что познакомил вас. Ну, а мне пора. Служба. А вы гуляйте. У вас вся ночь впереди, — сказал комбриг и вышел в коридор, где хозяин квартиры услужливо подал ему шинель.

— Пусть парень повеселится, а вы про службу помните. Кстати, у него в 12—00 самолет. Доставьте в аэропорт без опозданий, — комбриг потрепал по плечу флагхима и ступил через порог в снежную круговерть.

Петр вопросительно глянул на командира лодки, тот понятиливо мигнул, встал, подошел к холодильнику и вернулся к столу с бутылкой шампанского.

— Во! Это по-нашему. По-морскому. Девушке — шампанское, а нам, морским волкам, наше любимое «шило», — сказал флагхим и, налив девушке в фужер шампанское, стал наливать в стаканы разведенный спирт. Видя, что Петр пока никак не может оправиться от смущения перед такой красоткой, флагхим включил магнитофон. Элвис Пресли исполнял всеми любимое «Ай лаф ю». Петр пригласил девушку на танец. Та тут же положила обе руки на его плечи, и они поплыли в тумане любви. Сколько они так плавно раскачивались, прижимаясь и целуя друг друга, они не помнили, но когда, через час, запись окончилась и из магнитофона раздался твист, они оглянулись по сторонам и обнаружили, что в комнате никого нет.

— Сбежали, поросята! — усмехнулся Петр, усаживая Анечку к столу. Они опять выпили, закусили красной рыбкой свежего посола, и тут Аня, строго глянув ему в глаза, спросила:

— Не хочешь побалдеть?

— Что? Прямо здесь?

— Зачем здесь. В спальне?

— А как же ребята? Вдруг вернуться?

— Они до утра не вернуться...

Ее предложение было для него столь неожиданным, что он попросту растерялся. Не верилось, что эта богиня, может так прозаично предложить ему то, чего он сам так страстно

втайне желал, но стеснялся ей предложить. Девушка давно заметила его нерешительность в этом, и первой пришла к нему на помощь.

Дело в том, что Петр Арбузов не был дамским сердцеедом. Он, как многие таланты в любимом деле, был неудачником в любви. Первый брак быстро распался. Молодая жена не хотела иметь детей, а когда узнала, что Петра отправляют служить на Тихоокеанский флот, вообще отказалась покинуть свой прекрасный город на берегу Невы и подала на развод. Так Петр и жил бобылем, служа в столице Приморья, и с головой уходя в любимое дело. Его ценило начальство, которого он не раз выручал из подобных тупиковых ситуаций.

Ему писали отличные аттестации, награждали, считали, что он достоин продвижения, но не продвигали, как невозможно господину отпустить верного раба, который, как волшебная курица, кладет в его корзину золотые яйца. Но зато Арбузова хорошо знали и очень уважали сослуживцы. Имя его не раз появлялось на страницах флотской печати, где отдавалась дань его заслугам. Вот и сегодня ребята на флотилии решили поднести ему такой истинно «Царский подарок», познакомив с этой красавицей. Петр не был идеальным холостяком, думающим только о работе. Ему нравились красивые женщины, он никогда не отказывался от их горячей любви, вот только одного он не любил: самому набиваться в их сексуальные партнеры. Он считал, что женщина сама должна выбирать мужчину, а не наоборот. Это выглядело несколько старомодным, над ним даже иногда подтрунивали сослуживцы, но от своих принципов капитан второго ранга Арбузов никогда не отступал.

А тут на него само по себе свалилось такое счастье: на него обратила внимание (и ему казалось, что это так) одна из самых красивых женщин в гарнизоне. Ранее он что-то слышал про какую-то даму здесь, которая кружила голову почти всем офицерам флотилии, но на Анечку это не было похоже. Петр был недурен собой, и решил, что местная красавица сама по-настоящему увлеклась им.

... Они выпили еще по одной, Анечка встала, взяла его за руку и, молча, повела в спальню. «Какой же ты хитрец, Серега! Ишь, как заранее обставил ложе любви!» — подумал Петр о флагхиме, глядя, как Анечка разбирает широкую кровать, которую в шутку можно было бы назвать «Аэродромом любви». Здесь тихо тлел нежным светом ночничок на прикроватной тумбочке, на которой, кроме будильника, в изящном кувшинчике стояла большая чайная роза.

Аня вопросительно глянула на мнущегося у кровати Петра. Тот стоял, нервно расстегивая пуговицы на рубашке. Она подошла, отстранила его неуклюжие руки, расстегнула пуговицы, сняла с него рубашку и майку, ловко избавила его от брюк и, оставив в одних трусах, сказала: — С остальным справишься сам.

Он понятливо кивнул. Она подошла к нему, повернулась спиной и сказала:

— А теперь расстегни эти долбанные застёжки. Они почему-то всегда заедают...

Петр с удовольствием выполнил ее просьбу, и ее коротенькое платьице тут же упало к ногам девушки. На ней были только трусики, которые так можно было бы назвать с большой натяжкой. Это были два красного цвета жгутика: горизонтальный и вертикальный. Что сие означало, было только одному богу известно, но это выглядело так красиво, что Петр не мог оторвать своего взгляда от прекрасного тела девушки. Две маленькие груди, темная впадина пупка и эти веревочки были просто обворожительны, если бы только не татуировка на ее копчике, изображающая разъяренного дракона.

— А это, — указала она своим миниатюрным пальчиком на веревочки, — снимешь ты.

Он тут же дрожащими пальцами снял их и положил на рядом стоящий стул поверх висящих на нем брюк.

— Дарю! Возьмешь их себе на память, — сказала Анечка, залезая к нему под одеяло. Она прижалась к нему своим холодным телом.

— Ты всем делаешь такие подарки?

— Тебе первому...

— Точно? Но ты вся дрожишь...

— А ты просто — печка. Как тепло с тобой, — сказала она, поворачиваясь на бок и кладя на него ногу.

— А ты — ледяшка, — ответил Петр, крепко ее целуя.

— Еще бы! Господа офицеры в форме, им не холодно, а бедной фее в ее скромном наряде далеко не жарко, как некоторым. Короче, начинай, иначе я до утра дрожать от холода буду.

Петр не любил, чтобы приказания повторялись дважды. Он тут же навалился на нее, раздвигая коленом ее нежные ножки. — «Какая она миниатюрная, ну просто «Дюймовочка»

— думал он, готовясь войти в нее, как ее нежная рука, уже опередив его, схватила его «Петушка» и сама поместила в свое «гнездышко». Петр почувствовал, как это место нежно обволакивает его орган, словно целует его, как она, замерев, изучает то, что в нее вошло.

— Класс! У тебя отличный «Мальчик»! Это то, что мне нужно, — прошептала она и начала медленно, с расстановкой, совершать возвратно-поступательные движения, прося его ничего не делать, не двигаться, а только держать корпус. Она сама помогала себе насаживаться на него,

прижимая его к себе руками, обнимающими его ягодицы. Петр подумал, что в подобной позе некоторые женщины поднимают одну из ног вверх, обеспечивая мужчине более свободный вход, она же делала наоборот. Она сжала, что было сил, свои ноги, зажав окончательно его «Бойца», которому только и оставалось, что со всей силой тереться о мягкие стенки ее волшебного «окопа». Тело у нее было гибким, как у спортсменки, губы — теплыми, мягкими, страстными.

Она ни разу не дала ему свободно вздохнуть, впившись в его губы и работая там во всю язык так, что он засомневался, в каком месте он испытывает большее удовольствие: вверху или внизу. Эта женщина, несмотря на свой, можно сказать, еще девичий возраст, оказалась столь грамотной и искусной в сексе, что ему становилось страшновато, как бы не оскандалиться перед ней и не показаться таким неумехой. Он уже понял, что у нее оргазмы летят очередью, что она подтверждала громкими восклицаниями и крепкими прижиманиями его таза к себе, будто хотела, чтобы его «копье» пронзило ее насквозь. И он решил, что пора действовать. Он с такой силой стал накачивать ее, что кровать заходила ходуном, удары его живота об ее живот издавали звуки, похожи на звуки ударов боксеров по лицу друг друга. Она уже не целовала его в губы, а впивалась в его шею, щеки, лоб, нос с такой силой, что в тех местах тут же появлялись красные пятна. «Разукрасит она меня, что художник холст», — подумал он и еще сильнее работал над ее телом. Наконец и он не выдержал, и могучий поток его благодарности устремился в ее лоно.

... Он иступленно покрывал ее тело жгучими, похожими на пчелиные укусы, поцелуями. Петр работал языком между ее ног, а она тут же развернулась и взяла в рот его «мальчика». Она так искусно это делала, что он понял, с кем имеет дело. Эта женщина была гроссмейстером по части секса. Он благодарил судьбу, что в эту ночь эта замечательная

женщина досталась именно ему, и он вдвойне благодарил комбрига за такой, поистине, царский подарок.

... Что было дальше, он потом вспоминал с трудом. Помнил, что всю ночь они провели в постоянном движении и в конечном итоге измотали себя так, что она без его помощи не смогла дойти до туалета, а его струя из его шланга стала истекать медленно, как остатки крови на поле брани покидают тело умирающего бойца.

Они провалились в омут страсти и не знали, как теперь выплыть из его круговорота. Небо уже серело, а они продолжали биться из последних сил на поле любви, как два рыцаря на турнире славы.

— Все! Больше не могу! — села она на краешек кровати не в силах встать.

— Ты, случаем, не занимаешься спортом? — спросил он, чтобы как-то разрядить обстановку.

— А что? Заметно?

— У тебя тело гимнастки, — похвалил он ее.

— С такими, как ты, не только гимнасткой, а чемпионкой мира по художественной гимнастике можно стать. Кстати, каждое утро занимаюсь ею почти по часу.

— С мужчиной?

— Да. Он тренажером называется.

На тумбочке внезапно зазвонил телефон. Его друг флажиком поздравлял влюбленных с добрым утром.

Приняв душ и крепко поцеловав его в потресканные губы, она легкой бабочкой выпорхнула на улицу. Он видел, как она, кутаясь в свою дорогую шубку, перескакивает сугробы, скользя сапожками по утоптанной дорожке.

Вскоре появился Сергей.

— Ну, как, друже? Доволен ты нашим Камчатским гостеприимством? — лукаво улыбаясь, спросил он.

— Еще бы! Высший класс!

— А «Царский подарок» не подвел?

— Да ты что?! Такое я испытал впервые. Кстати, кто она?

— Да. Так. Никто. Работает продавщицей в магазине нашего военторга.

— Замужем?

— Вдова. Ее Иван погиб на той, ну ты знаешь...

— Вот оно что? А дети у нее есть?

— Нет. Не успели они...

— А чего же она при такой красе и замуж не выходит?

— Никто не берет...

— Что-то ты темнишь, друже. При таких данных и ходить холостячкой! Что-то тут не так! — сказал Петр.

— Ладно! Ты прав! Так и быть. Открою тебе ее секрет. Молодая она, красивая, не опытная, после смерти Ивана стала работать в магазине, а тамошние тыловые крысы быстренько подставили ее под недостачу.

— И большую?

— Достаточную, чтобы загреметь на Колыму. Вот наши начальнички во главе с комбригом и бросили шапку по кругу, собрали «бабки» и внесли за нее. Теперь она им всем обязана. Вот и отдает долги каждому в отдельности.

— Значит, и мне тоже?

— Угу...

— А мне-то за что? Она мне ничего не должна.

— А начальники должок-то не только натурой для себя получают, но им и чинов из проверяющих комиссий тоже умасливать приходится. «Царский подарок», чай, не только тебе одному достается... Ты, думаешь, почему у нас только хорошие оценки на флотилии по всем показателям сверкают. Это, в основном, Анечка старается, это ее оценки... А заправляет этим делом сам комбриг. Усек?

— Ах, вот он какой «Царский подарок»! — протянул Петр.

... Летя в самолете, Петр долго размышлял о случившемся, а когда прилетел во Владивосток, то тут же по мобилке позвонил Ане.

— Анечка! Будь моей женой.

— Я очень люблю тебя, Петенька! Прилетай, — раздался тихий, как будто с другой далекой планеты, ее печальный голос...

Эдуард Зайцев.